

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ РОССИИ**
Подведение итогов первого заседания
«круглого стола» «Ахиезеровских чтений»

А.П. ДАВЫДОВ

Подведение итогов первой сессии «Ахиезеровских чтений» захватывает не только выступления участников «круглого стола», который проходил под девизом «В поисках теории российской цивилизации», но и содержание статей вышедшего в конце 2009 г. сборника «В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера»¹.

«Круглый стол» стал продолжением сборника. В поле зрения участников попали также работы, выводы, оценки авторов, которые, хотя не принимали участия в АЧ, но внесли вклад в разработку методологий, нацеленных на анализ цивилизационной динамики России. Количество участников увеличилось. Круг тем стал шире. И неожиданно высветился общий для всех интерес – русская культура как фактор развития/блокирования развития (социальной деградации). Фокусной точкой стало понятие «культура», которое впитало в себя широкий спектр подходов ученых, по-разному анализирующих эту проблему. Обобщение идей ученых, содержащихся в материалах сборника и «круглого стола» предлагает несколько destinations. Я сконцентрируюсь на одном – на социокультурных факторах динамики России. На тех из них, которые способствуют развитию страны, либо блокируют его.

Русская культура и проблема динамики России

Как читатель, возможно, уже заметил, актуальные и очень острые статьи Ю. Афанасьева, А. Пелипенко и И. Яковенко, представленные в АЧ, посвящены анализу оснований российской цивилизации. Авторы приходят к выводу, что эти основания унаследованы от палеолита-неолита (И. Яковенко), Средневековья (А. Пелипенко), от русской традиционности, от советского прошлого (Ю. Афанасьев). Постсоветское время не внесло ничего нового в модернизацию оснований. Основания продолжают нести в себе соборно-авторитарные, родовые признаки как видовые. Г. Тульчинский пишет, что в 1917 г. и в годы Гражданской войны в России победила массовая культура, которая за годы советской власти сформировалась на основе исторически сложившихся культурных стереотипов, а не на основе гражданского общества. Поэтому в России «большевистская революция продолжается» и после распада СССР (Ю. Пивоваров). После 1991 г. смыслы

личности, гражданского общества, индивидуальных социальных отношений, прав человека, демократии не только не победили в массовом сознании и в сознании правящей элиты, но ни на йоту не укрепили в нем своих позиций. Этот вывод совпадает с точкой зрения русоведа Дж. Биллингтона (США)². Из выводов об архаичности культурных оснований формулируется следующий шаг в анализе: нынешнее российское общество неорганично (модернизационные формы «нахлобучиваются» на архаичные культурные основания) и поэтому нежизнеспособно (Пелипенко, Афанасьев), расколото (А. Ахиезер, В. Ядов), внутрицивилизационный диалог в нынешних условиях невозможен (В. Булдаков), стадияльно предшествующая культура должна отмереть и уступить место стадияльно последующей (И. Яковенко). Э. Паин считает, что деградацию российского общества можно предотвратить, только если Россия лишится своей имперской территории³. Эти выводы, несущие в себе культурологическую нагрузку, в какой-то степени совпадают с пессимистическими выводами ВЦИОМ, хотя выводы этого центра носят скорее социологический, чем культурологический характер. Все это, собранное вместе, звучит как анализ угрозы гибели России, если личностный, модернизационно-демократический цивилизационный ресурс в менталитете русского человека не превратится из компоненты в доминанту. Но не только. Этот тип анализа рассматривает гибель русскости, распад нынешней России как фактор, в той или иной степени способствующий формированию русского человека как личности.

На каких аргументах строятся эти выводы и прогнозы?

«Социум клик»

Я начну свой анализ результатов АЧ с работ С. Патрушева и сотрудников Отдела сравнительных политических исследований Института социологии РАН (ОСПИ ИС РАН), который он возглавляет. Ахиезер тесно сотрудничал с этим отделом в годы, когда еще существовал Институт сравнительной политологии РАН и все мы трудились в его стенах. Работа отдела и анализ Ахиезера были и раньше близки по методологии и результатам. Нынешние выводы отдела органично вписываются в общую тональность АЧ.

Опираясь на количественные исследования российского общества, проведенные отделом, С. Патрушев и А. Хлопин говорят об «устойчивом неверии российских граждан в политические цели, провозглашаемые государством», о «падении доверия населения к большинству политических институтов» — парламенту, правительству, партиям, выборам, СМИ, судам. Проще всего было бы искать причины в несовершенстве работы этих органов и их ру-

ководителей, требовать посадок и т.д. Но сотрудники отдела пошли другим путем. Одну из основных причин они видят в кликовой организации российского общества.

Что такое «социум клик»?

Авторы выделяют несколько типов клик: вертикальные симбиотические (патрон-клиент), вертикальные паразитические (семья, друзья), горизонтальные защитные, горизонтальные агрессивные, случайные – эти «локальные миры» и мафиозные по типу сообщества «своих» могут формироваться на базе возраста, пола, расы, этноса, деятельности. Анализ клик актуален, потому что современная социология – и западная, и восточная в целях расширения доверия населения к власти, к партиям, в целях активизации частной инициативы, открытости, солидарности рекомендует делать акцент на самоуправлении, самоорганизации, поддержке объединений по интересам, семей, НПО, НКО и т.д., тем самым расширяя социальную базу гражданского общества. На фоне этой общемировой тенденции авторы дают количественную характеристику того, что можно назвать «кликанизацией» России: «Концепция социума клик позволяет выявить, что близкий круг общения, включая семью, друзей и товарищей по работе, который, несомненно, образует устойчивый базовый комплекс социальных идентификаций россиян, в отечественных условиях *сплошь и рядом* (курсив мой. – А. Д.) является актуально или потенциально “кликковым”»⁴. Любопытно, не правда ли: *если на Западе и в Азии самоорганизация консолидирует, солидаризирует общество, повышая спрос на установление двусторонней связи человека с властью, то в России – она фрагментирует, дезинтегрирует общество, изолируя человека в активно формируемых им локальных мирах.*

Исследования ОСПИ расшифровывают эту патологию: «Анализ проведенных Отделом сравнительных политических исследований Института социологии РАН опросов и интервью подтверждает тезис о недостаточной востребованности партий как политического института – и на макро-, и на микроуровнях⁵. Ответы на вопрос, что такое российское государство, свидетельствуют, что в сознании людей отсутствуют представления о дифференциации государства и гражданского общества: понятия государства и общества, народа зачастую не разделяются. Посредничество между гражданами и властью в лице политических партий воспринимается как ненужное. *Большинство* (курсив мой. – А. Д.) людей демонстрирует неспособность к осознанию своих групповых интересов, к их артикуляции и соотнесению с позицией той или иной политической партии, то есть неспособность к идейно-политической самоидентификации»⁶.

Возникает вопрос: «Почему?».

Наш ответ на этот вопрос — в обобщении: *в русской культуре господствуют стереотипы догосударственных локальных миров, характерных для российского вехового сознания. Враждебность этих миров друг к другу и государству порождает в обществе и кликовые ценности и в условиях попыток модернизации неодолимый социокультурный раскол, блокируя развитие.*

Но этот ответ, многое объясняя, требует дальнейшей расшифровки.

Основания кликовой динамики России

Вот неполный перечень исторически сложившихся архаичных культурных стереотипов, все еще господствующих в менталитете русского человека и определяющих историческую динамику России.

— **Установка на синкрезис.** Убеждение, что достигнутый на сегодня уровень дробления изначального синкрезиса — последний, дальнейшее дробление не возможно. Отсюда отказ от проблематизации того, что выглядит вечным. Менталитет, противостоя дальнейшему дроблению, стремится вернуться к вершинам синкрезиса (палеосинкрезиса) (И. Яковенко)⁷, например, через идеал единой и неделимой территории, церкви, коммунизма, обломовщину, мафиозное мышление, «нашизм» в политике, алкоголизм, наркоманию.

— **Познавательный-моральный конструкт «должное/сущее».** Убеждение, что мир сущего скандально не соответствует миру/идеалу/нормативам должного. Поэтому люди живут в системе двух противоположных норм: декларируемой и реальной, разрушая поле социального взаимодействия.

— **Эсхатологический комплекс.** Идея о том, что мир окончательно уклонился от должного, погряз в грехах и наступают последние дни. Отсюда идеи «смерти Бога», «смерти культуры», «конца света», Опонского царства, коммунизма, вождя-спасителя (В. Ключевский, А. Янов). Эсхатологический человек отказался от общества, в котором живет. Надо думать о спасении души, воспарить к престолу Высшего судьи, а по существу припасть к ногам очередного диктатора.

— **Манихейская составляющая.** Черно-белое мышление, парадигма «мы/они» как «добро/зло». Развитие не может выражаться объективно, например, через конкуренцию, счет, пользу, интересы, оно может быть только победой «мы/добра/света» над «они/злом/тьмой», сколько бы эта победа не стоила. «Мы» в оппозиции «свой — чужой» — всегда «воины света».

— **Мироотречная или гностическая установка.** Идея о том, что мир в принципе лежит во зле и неисправим. Отсюда идеал недея-

ния, нестяжания, монастыря, бунта, коммунизма, «права на лень» (Ю. Пивоваров). Мироотречник асоциален и генерирует отношения безнадежности.

– **Сакрализация статуса власти, ее положения над законом.** Убеждение, что этот статус идет от статуса Бога (З. Голенкова, Е. Игитханян)⁸. По своей природе власть – потусторонняя, и ее природа неопределима (Н. Герард)⁹.

– **Партиципация, прилепление к господствующему смыслу как спасительному.** Добровольная передача ему своей субъективности (Ю. Самарин). Убеждение, что без власти в России ни одна партия не сможет функционировать, включая либеральные (Ю. Пивоваров)¹⁰.

– **Экстенсивная доминанта.** Выбор экстенсивных решений в проблемных ситуациях. Отсюда выбор экстенсивной стратегии развития общества (А. Ахиезер)¹¹. Эта доминанта – один из самых мощных факторов торможения развития.

– **Идея России как империи.** Эта идея и политическая практика сохраняет родовой космос в русской культуре в неизменном состоянии и компенсирует родовую ущербность традиционного российского менталитета, потому что позволяет русскому человеку опереться на насилие.

Выявленные стереотипы блокируют гражданское развитие России, порождают циклическую, катастрофическую динамику в истории русской культуры и должны стать объектом демонтажа, деструкции, деконструкции.

Но современные исследования, и АЧ это четко высветили, дают и другой подход к анализу динамики России. Он тоже альтернативен сложившемуся в России порядку вещей, но акцентирует иное.

Позитивизм в анализе

22 января 2010 г. на международной конференции в Москве по инновационному развитию глава «Роснано» А. Чубайс сказал, что в РФ существуют десятки компаний, которые работают на самом высоком инновационном уровне. Перестроив законодательство, чтобы защитить собственника, Россия вполне способна за 20 лет перевести свою экономику с сырьевых на инновационные, информационные, постмодернистские рельсы. Той же точки зрения придерживается Ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ В. Мау. Что касается политической системы, оба в интервью высказались в том духе, что инновационное развитие должно опираться прежде всего на развитие инновационного человеческого капитала¹². Как получить в России инновационного человека как основание альтернатив-

ного социального действия? Пожалуй, это основной вопрос для всех, кто ищет цивилизационные ресурсы развития России. Исследовательские усилия в этом направлении можно обобщить на трех уровнях.

Уровень личности

В АЧ этот поиск в какой-то степени представлен **В. Розиним**. Он видит альтернативу в самоорганизации личности и самодостаточности ее инновационно-духовного пути. «Духовная навигация – это наблюдение за собой, продумывание своей жизни, ее смысла и назначения, это стремление реализовать намеченный сценарий жизни (скрипт), отслеживание того, что из этого получается реально, осмысление опыта своей жизни, собирание себя вновь и вновь. Это работа на благо общества и культуры, противостояние нежизненности, разрушительным тенденциям, культивирование правильной жизни. В рамках подобной практики человек является личностью». Нововременная уверенность в возможности «овладеть, освоить, контролировать» на основе способности разума совмещается у него с экзистенциальным переживанием процесса «освоения» и постмодернистской логикой ризоматизации ценностей. Такая личность вполне способна к конструктивному социальному действию. Более подробно на эту тему автор высказывается в статье «Российская власть, общество и право в контексте исторических изменений и реформ»¹³. **В. Лекторский** в четвертом издании своей блестящей «Эпистемологии»¹⁴ делает акцент на ином – человек может осмыслить себя лишь через Другого. Этот тип самоосмысления есть переосмысление и основание наращивания в себе потенциала самоизменения и, следовательно, саморазвития и развития общества. Это направление в анализе исходит из теории диалога **М. Бахтина** (Я для себя, Я для Другого, Другой для себя, Другой для меня и т.д.). Этот подход, я согласен с Лекторским, все еще является для России новым. Социологический подход разрабатывается **М. Горшковым, Н. Тихоновой, С. Горюновой**: для них проблема качества человеческого потенциала сводится к трем его составляющим – уровень образования, здоровья и благосостояния¹⁵. Реформы в этой области оцениваются по принципу «больше/меньше»: чем выше качество образования, лучше здоровье и выше благосостояние людей, тем эффективнее государство решает проблему качества человеческого потенциала и, следовательно, социального развития. Смысловая парадигма изучения качества и степени образованности-«здоровости»-благосостояния человека принципиально не включает анализ его менталитета.

Уровень гражданских организаций

Здесь обнаруживаются два направления. Одно направление противоречивое. Оно – в решениях, которые принимают государственные органы, то резко ограничивая деятельность гражданских организаций под предлогом борьбы с иностранными источниками их финансирования, то поощряя благотворительные общественные организации (см. Послание Президента РФ Федеральному собранию. 2009 г.). Другое направление лежит в русле общемировой тенденции, которая носит последовательно демократичный характер. Оно – в ряде научных исследований. **С. Патрушев**, например, пишет: «Гражданские организации действуют в качестве *ключевых* (курсив мой. – *А. Д.*) субъектов в этом процессе (в политически ориентированных гражданских действиях. – *А. Д.*) за счет утверждения альтернативных социальных практик и внедрения новых дискурсов, которые организуют социальный мир, его и воспроизводят, и обслуживают»¹⁶. **С. Айвазова**, изучая гендерные отношения, делает вывод, что в отличие от властной сферы, где в основном действуют мужчины, в сфере активности граждан присутствие женщин является гораздо более массовым. Фактор этого присутствия существенно способствует демократизации ценностных ориентаций в обществе¹⁷. Заслуживает внимания точка зрения **В. Лукина**: «В нашей стране пока не сформировалось понимание того, что проблемы прав и свобод каждого члена общества прямо и непосредственно касаются всех». Кажется, что автор оценивает смыслы полюсов – индивидуума и общества. Но на самом деле основной пафос его высказывания сфокусирован на сфере между ними. Потому что *становление индивидуума как зрелого гражданина происходит сначала в гражданских организациях, где связь с властью находится в тени социальных отношений, и уже потом разворачивается на уровне всего общества, когда эта связь выходит на передний план социальной рефлексии*. Этой же точки зрения придерживается и **И. Яковенко**¹⁸. Для осмысления логики формирования гражданских организаций, коллективных действий и социальных движений важна характеристика типов толерантности, предложенная **В. Лекторским**, а также его анализ скользящей границы взаимопроникновения смыслов религии и науки¹⁹ и, следовательно, светской и религиозной культуры.

Предложения ученых Запада (например, таких как **Э. Гидденс** – Великобритания, **Д. Норт** – США) и России в отношении гражданских организаций могут быть обобщены следующим образом: *государство должно активно помогать личности создавать для себя социальную среду, в которой она могла бы реализовывать свою социальную природу, стремящуюся к независимости от государства и к формированию гражданского общества. Мера этой помощи каж-*

дый раз зависит от того, какую меру независимости личности культура в этот момент способна принять и, следовательно, санкционировать.

Уровень общества

В. Федотова ищет возможности развития России через акцентирование демократических начал, формирование гражданского общества, срединной культуры, государства²⁰. Она подчеркивает, что в мире идет дискуссия между сторонниками «хорошего общества» как идеологами блага для всех (на основе исторически сложившихся ценностей культуры) и сторонниками идеологии свободы (на основе рыночно-демократических ценностей). Федотова убеждена в том, что через диалог между сторонниками «блага» и сторонниками «свободы» «мы можем изменить ситуацию». Она верит в победу «мужества, с которым надо встретить новую эпоху»²¹. **В. Межуев** анализирует переход от диалога цивилизаций к цивилизации диалога как некоего синтеза рыночных ценностей и ценностей культуры через смысл личности²². Он выступает против модернизации петровско-большевистского типа, уничтожающей самоидентификацию русского человека, и полагает, что синтез ценностей культуры и общества возможен через внутрицивилизационный диалог. Для Межуева Россия – это «становящаяся цивилизация». **Ю. Пивоваров** разрабатывает способы соединения ценностей русской культуры с демократическими ценностями через модернизацию политической системы. Он ищет теорию перехода России от тоталитарного общества к демократическому²³, формирует новые интерпретации исторической динамики России, особенно в эпоху Первой русской революции, в период Великой отечественной войны, в постсоветский период. Его вывод: «Россия проиграла XX век» имеет стратегическое значение. Он стимулирует российские социальные науки, по существу, на переосмысление новой и новейшей истории России и на более глубокое осмысление воспроизводственной логики русской культуры. **А. Янов** в трилогии «Россия и Европа» находит истоки демократического развития России в реформах Ивана III, правительства Сильвестра – Адашева, в движениях стригольников, заволжских старцев и т.д.²⁴ Его цель – доказать, что возможность либерального развития России содержится в русской культурной почве, в русской истории. **А. Дмитриев** пытается найти дополнительный ресурс развития России в переформулировании смысла урбанизации как социокультурной проблемы и разработке новой методологии анализа этой проблемы, выстраивая ее «от общества», а не «от города». Это попытка вклада в поиск теории российской цивилизации. **С. Кравченко** разрабатывает теорию рис-

ков, через которую можно понять логику инновационного развития России²⁵.

Выводы

Хотя в АЧ выявились два совершенно разных подхода к анализу цивилизационного развития России, у меня не сложилось впечатления, что они категорически исключают друг друга. Разумеется, если идея модернизации, демократического развития, становления гражданского общества, формирования смысла личности как нового культурного основания российской цивилизации не победит, Россия не сможет проводить экономические и социальные реформы и, соответственно, ее ожидает цивилизационная катастрофа. И еще одно замечание. Позитивизм в анализе России постоянно соскальзывает с уровня сущего на уровень должного. Конечно, у ученых это часто вызывает недоумение. Но все-таки это соскальзывание не предмет для чрезмерных обвинений. Неопределенность и переходы на уровень «хорошо бы, чтобы оно было так, потому что это правильно» — такова природа поиска нового вообще и с особой силой она проявляется в специфических условиях России. Субъект поиска с трудом находит реальное новое в России и потому, что это новое еще редко на рынке ценностей и синтезов, и потому, что российский реформатор еще не очень хорошо знает, что он ищет.

АЧ обратили внимание на новый для цивилизационного анализа уровень — уровень гражданских организаций. Беру на себя смелость сказать, что и для методологии российской социологии этот уровень все еще *terra incognita*. Социология может этот уровень как-то описывать, но понять его воспроизводственную логику не в силах, так как не способна адекватно его анализировать. Понять социальное гражданских организаций, как и общества в целом, можно только через культуру, а такой тип анализа, т.е. социокультурный анализ, в российской социологии, несмотря на достижения Патрушева и ОСПИ, не начинался. Но и культурология в одиночку не может освоить этот уровень, так как не владеет количественным анализом. Нужна культурологическая экспертиза стратегии социологических исследований и социологических практик. Социокультурный анализ — новое и чрезвычайно перспективное для науки о России направление и оно требует, возможно, специального заседания АЧ.

Ученые-участники АЧ акцентировали необходимость критики бинарной концепции цивилизационного развития России (И. Ионов, В. Розин, И. Следзевский). Их аргументы серьезны и конструктивны и к ним надо прислушаться. Анализ этой сферы знания развернется на одном из следующих заседаний АЧ.

Статьи авторов в сборнике «В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера» и первое заседание АЧ многое дали. Они показали, что цивилизационный анализ, разворачиваясь через акценты, — философский (**В. Лекторский, А. Пелипенко**), социологический (**В. Патрушев, В. Ядов**), культурологический (**В. Межуев, И. Яковенко, И. Михайлова, Е. Яркова**), исторический (**Ю. Пивоваров, А. Янов, В. Хорос**), политологический (**Ю. Пивоваров**), — уже не такой, каким он был и в советский период и в начале 90-х. Он, если брать его полюса в единстве, ушел от чрезмерностей и эйфорий. И, если оценивать его через внутреннюю связь, он перешел к поиску меры в сфере между традицией как абсолютом и инновацией как абсолютом, он стал искать новую меру цивилизованности российской реальности. Нашел ли он ее? Скорее нет, чем да. Будет ли этот поиск плодотворным, верю ли я в успех? Как вам сказать... Но почему? Потому что и русская культура, и российское общество, и менталитет русского человека, и наш анализ и того, и другого, и третьего несут в себе печать глубокого социокультурного раскола, печать патологии. Где проходит трещина раскола? Между позитивизмом в анализе и... не знаю как назвать,... «катастрофизмом?», «могилотерапией?»... может быть «эволюционизмом через кризис» в противоположность позитивизму как «эволюционизму через эффективную деятельность».

Каковы перспективы развития России через эффективную деятельность? Великая русская литература, — классики анализа российской ментальности, все без исключения, — говорит: «Никаких». Потому что то, что кажется эффективным, не может остановить набравшую скорость историческую инерцию самоуничтожения России как исторически сложившегося феномена. Почитайте **Чехова**. А точка зрения **А. Чубайса** и **И. Яковенко**, что всякое обновление неизбежно разрушает старое, но как она может развернуться в России? Распад СССР показал — через трагедию миллионов. Мы хотим второй трагедии миллионов?

И еще. История России насыщена взрывами реформаторской деятельности. Каков результат позитивизма Петра I? М. Сперанского, Александра II, П. Столыпина, Е. Гайдара? Единственный позитивный результат — за два века лишь выросла потребность российского общества в реформах. Но и эта потребность — все еще лишь мечты, потому что когда русскому начинают говорить о правах человека, он немеет от страха и глаза у него становятся пустыми.

Русский народ — великий немой. Но и российская наука — великая немая. И, тем не менее, дальнейший анализ русскости, России необходим для того, чтобы всем нам научиться мыслить

и говорить, чтобы, наконец, заговорить. И если это когда-нибудь, пусть через сто лет, произойдет, — это результат, ради которого стоит работать. Работа в определенном смысле только начинается.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера / Сост. А. Давыдов. — М.: Новый хронограф, 2009.
- ² *Биллингтон Дж.* Икона и топор / Пер. с англ. — М., 2001.
- ³ *Паин Э.* Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России. — М., 2009.
- ⁴ *Патрушев С., Хлопин А.* Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6. — М.: ИСРАН, 2007. — С. 301 — 318.
- ⁵ Информационная база исследования включает 90 глубинных интервью с руководителями и активистами общественных объединений, а также результаты опроса (объем выборки — 818 респондентов), проведенного методом «снежного кома» в 16 регионах России в августе-сентябре 2006 г.
- ⁶ *Патрушев С., Айвазова С., Кертман Г., Клеман К., Машезерская Л., Миярсова О., Павлова Т., Хлопин А., Цыпина Г.* Доверие, гражданское действие, политика: опыт «старых» и «новых» демократий // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 7. — М.: ИСРАН, 2008. — С. 531.
- ⁷ *Яковенко И.* Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. — М., 2009.
- ⁸ *Голенкова З., Игитханян Е.* Власть административная: статусно-ролевые позиции в трансформирующемся обществе // Россия реформирующаяся. Ежегодник-2005. — М., 2006. — С. 45.
- ⁹ Голос минувшего. 1917. № 4. — С. 135.
- ¹⁰ См.: *Пивоваров Ю.* Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. — М., 2006.
- ¹¹ *Ахиезер А.* Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология. Словарь. — Новосибирск, 1998.
- ¹² <http://www.vesti.ru/videos?vid=256387>.
- ¹³ См.: В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера. — С. 184 — 223.
- ¹⁴ См.: *Лекторский В.* Эпистемология классическая и неклассическая. Издание четвертое. — М., 2009.
- ¹⁵ *Горшков М., Тихонова Н., Горюнова С.* Роль социальной политики в повышении конкурентоспособности России на международной арене // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. — М.: ИСРАН, 2008. — С. 8 — 25.
- ¹⁶ *Патрушев С.* Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // ПОЛИС. 2009. № 6. — С. 30.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: *Яковенко И.* Политическая субъектность масс. — М., 2009.
- ¹⁹ См.: *Лекторский В.* Эпистемология: классическая и неклассическая. Издание четвертое. — М., 2009.

²⁰ См.: Федотова В. Хорошее общество. – М., 2005.

²¹ Там же. – С. 487.

²² См.: Межуев В. Идея культуры. – М., 2006.

²³ См.: Ливоваров Ю. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. – М., 2006.

²⁴ См.: Янов А. Россия и Европа. В 3 т. – М., 2009.

²⁵ См.: Кравченко С. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. – М., 2009.

Аннотация

В статье дается обзор некоторых новых и наиболее важных достижений цивилизационного анализа, культурологии и социологии в 2005 – 2010 гг. в отношении социокультурной динамики России. Определяются дальнейшие темы для заседания «круглого стола» «Ахiezеровских чтений».

Ключевые слова:

Россия, цивилизация, клики, социокультурный анализ, гражданские организации, культурные стереотипы.

Summary

The article «Sociocultural factors of civilisation dynamics of Russia» written by Alexey Davydov is about some new and most important achievements of the civilization analysis, cultural studies – and sociology in 2005 – 2010 in regard with civilization dynamics of Russia. More investigation themes are defined for further «round tables» of «Akhiezer readings».

Keywords:

Russia, civilization, cliques, sociocultural analysis, civil organizations, cultural stereotypes.